

А.А. Пауткин

Литературная топография пожарной Москвы

Аннотация: Автор анализирует ряд произведений художественной литературы, в которых представлена охваченная пожаром 1812 г. Москва. Отмечены маршруты странствий литературных персонажей по оккупированной и сожженной Москве, выявлены несоответствия между литературной и исторической топографией пожарной Москвы.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года, литературная карта пожарной Москвы, М.Н. Загоскин, «Рославлев, или Русские в 1812 году», Антоний Погорельский, «Двойник, или Мои вечера в Малороссии», «Изидор и Анюта», Г.П. Данилевский, «Сожженная Москва», Булат Окуджава, «Свидание с Бонапартом», Стендаль, рукопись «Слова о полку Игореве», «Война и мир», «Былое и думы», С.Т. Алексеев, «Слово»

Abstract: The author analyzes a number of works of fiction, which show Moscow in the fires of 1812. The routes marked of the literary characters moving on the occupied and burned Moscow, discrepancies are revealed between the literary and the historic topography of Moscow enveloped in flames of the fire.

Key words: The War of 1812, literary chart of the Moscow in fire in The War 1812, M.N. Zagoskin, «Roslavlev, ili Russkije v 1812 gody», Antonij Pogorel'skij, «Dvojnik, ili Moi Vechera v Malorossii», «Izidor i Anyuta», G.P. Danilevskij, «Sozhzhennaja Moskva», Bulat Okudzhava, «Svidanie s Bonapartom», Stendhal, manuscript of «Slovo o Polku Igoreve», «Vojna i Mir», «Byloe i Dumy», S.T. Alekseev, «Slovo»

Когда В.Н. Топоров писал о Петербурге и «петербургском тексте» в русской литературе, он особо отмечал катаклизм, который, по словам исследователя, «стал навязчивой идеей Петербурга и лег в основу петербургского эсхатологического мифа». Речь, конечно, о водной стихии, регулярно повторяющихся наводнениях. Москву издревле преследовала иная напасть – опустошительные пожары. Но, по замечанию Топорова, москвичи проявили «большой фатализм и большую беззаботность»¹. Возможно, это объясняется неизбежной пожарной опасностью в деревянных старорусских городах. И тем не менее московский

¹ См.: Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С. 259–367.

пожар 1812 г. – событие знаковое, разделившее историю города в уже новое время на «до» и «после».

Прозаических текстов, где бы это событие предстало перед читателем достаточно объемно, не так уж много. Принадлежат они разным эпохам. Зачастую город предстает в этих произведениях не только в качестве фона описываемых событий. Первопрестольная, гибнущая в огне, сама оказывается своеобразным персонажем, а тридцать три дня пребывания Наполеона в Москве обладают ни на что не похожей сюжетностью.

Существует широко известная карта 1813 г., на которой нашли отражение московские утраты. Цветом и штриховкой на ней обозначены кварталы, счастливо избежавшие уничтожения или затронутые огнем частично. Эта топографическая карта странным образом отмечена эмоцией. Ее графика – своеобразная печальная ретроспекция. Улицы старой Москвы, «спаленные пожаром», попадая на страницы литературных произведений, за 200 лет обрзовали некую виртуальную карту, способную заинтересовать филолога и историка. Здесь тоже есть сектора, начертанные весьма подробно, а есть и свои «огрехи», приблизительности, обусловленные различными причинами.

Московские реалии, вошедшие в литературу по воле Н.М. Карамзина еще в конце XVIII в., станут играть особую роль при запечатлении событий 1812 г. И, конечно, это не только статичные виды Кремля и его окрестностей, освещенных пожаром. Сторонний взгляд наблюдателя постепенно уступает место описаниям более детализированным. На литературной карте пожарной Москвы можно видеть целые маршруты, по которым следуют герои вымышленные и исторические. Более или менее последовательно этот принцип описания представлен в романе М.Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1831). Здесь несколько таких маршрутов. Один из них связан с выездом Зарецкого из обезлюдевшего города («Москва, как жертва, обреченная на заклание, была безмолвна»¹). Через Иверские ворота герой выезжает на Тверскую. На этой «великолепной улице»² с нарядными вывесками все заперто. Далее, проехав всю Тверскую, он останавливается у Триумфальных ворот, следует к Тверской заставе, поворачивает направо к Марьиной Роще и Останкину. Затем Зарецкой оказывается на Троицкой дороге в селе Алексеевском (ныне проспект Мира) и далее достигает Мытищ и старинного села Братовщина (ныне Пушкинский район). Тут читатель знакомится с авторскими сетованиями на российскую нерадивость в сохранении старины. Речь идет об исчезновении царских палат в селе Алексеевском и утрате путевых дворцов.

Другой маршрут по разоренной Москве писатель пролагает для Зарецкого, отправившегося на поиски раненого Рославлева (устье Яузы, Воспитательный дом, Каменный мост, Полянка). Иным путем в романе следует На-

¹ Загоскин М.Н. Рославлев, или Русские в 1812 году. М., 2011. С. 243.

² Там же. С. 264.

полеон, спасающийся от огня. Это сцена, когда московский купец заводит Наполеона и его свиту в пылающий переулочек. Только решительность самого императора позволяет французам выбраться из огненной ловушки. Путь из Кремля к Петровскому замку непрямым: Тайнинская башня, Неглинная, Моховая, село Хорошово и поворот на Петербургский тракт¹.

Совершать подобные странствия в оккупированной и сожженной Москве может лишь герой, плененный врагами или таящийся в разоренном городе. Подобная точка зрения обеспечивает повествованию дополнительную документальность.

Чаще других улиц в произведениях, посвященных 1812 г., появляются Басманные. Это и понятно. Район Басманных, находящийся уже за чертой Земляного вала, Немецкая слобода – аристократические кварталы XVIII – нач. XIX вв., постепенно утрачивавшие свое значение. Потрясенный видами пожарной Москвы, герой Антония Погорельского Изидор («Двойник, или Мои вечера в Малороссии», новелла «Изидор и Анюта», 1828) скачет к своему дому в Красное село по Новой Басманной (Красное село действительно уцелело от пожара). В романе Г.П. Данилевского «Сожженная Москва» (1885), художественное пространство которого весьма обширно, не раз появляется Басманная часть, храм Никиты Великомученика (1751, архитектор Д.В. Ухтомский), Немецкая слобода, Лефортовская застава, Яузский мост, река Синичка, Гороховская улица, Введенское кладбище – в значительной степени это застройка так называемой казачьей Москвы. Как известно, Данилевский опирался на воспоминания Василия Перовского, детство которого, как и его брата Антония Погорельского (Алексея Перовского), прошло на Новой Басманной, где располагались владения их матери.

Но и в XX в. во второй части романа Б.Ш. Окуджавы «Свидание с Бонапартом» (отд. изд. 1985 г.), названной «Горестные воспоминания о минувшем Луизы Бигар», французская актриса, приехавшая в Москву из Императорских театров, и ее многочисленные спутники спасаются от огня на Басманной, в оранжерее при опустевшем дворце Голицына. Позже герои романа окажутся на Чистых прудах. Если судить по карте 1813 г., здесь не было огня.

Кстати, наполеоновский театр упоминается в романе Данилевского; прежде всего там уделено внимание подготовительным мероприятиям. События в крепостном театре Познякова весьма любопытны. Однако театральная тема в художественных произведениях о 1812 г. отражена слабо. В одном из писем приятелю, Феликсу Фору, французский офицер-интендант Анри Бейль, в будущем всемирно известный писатель Стендаль, легкомысленно замечает: «Кажется, мне придется провести здесь (в Москве. – *А.П.*) зиму, надеюсь, у нас будут концерты. Конечно, при дворе будут спектакли, но какие актеры?»²

¹ Там же. С. 310–316.

² См.: *Стендаль. Собр. соч.*: В 15 т. Т. 15. М., 1959. С. 108.

Сам император Наполеон не бывал на углу Никитской и Леонтьевского переулка. И все-таки, как утверждают историки театра, там было сыграно одиннадцать спектаклей.

Замоскворечье пострадало от огня очень сильно. Известны живописные полотна первой половины XIX в., где со стороны Кремля изображена сплошная стена пламени. А вот в интересующих нас текстах этот район города – редкий гость. Скорее всего, подобное умолчание объясняется социальным статусом Замоскворечья, историей его заселения. Дворянин здесь, скорее, гость. Вот почему в романе Загоскина именно купец от Тайнинской башни смотрит за реку, которая, «казалось, струилась кровью». Он обсуждает с мастеровым происходящее на Ордынке, Пятницкой, Полянке и у Серпуховских ворот. Именно из бедного домика Замоскворечья спасает раненого Рославлева переодетый во французский мундир Зарецкой, пробирающийся среди печных труб. Купеческая и мещанская часть Москвы войдет в большую литературу позже. Ее быт и нравы будут запечатлены А.Н. Островским.

Безусловно, толстовская картина разоренной Москвы наиболее известна. Писатель тоже использовал записки Перовского, однако его герои на восток Москвы, пожалуй, не ступают. Исключением является сцена на Сокольническом поле. В те времена это уже пригород, недаром там располагалась дача генерал-губернатора Москвы Ф.В. Растопчина, где, кстати, последние дни перед занятием столицы неприятелем провел Н.М. Карамзин, свояк Растопчина. Вспомним, что первая остановка покинувших Москву Ростовых – безопасные Мытищи (20 верст от Москвы), сегодня почти соединившиеся со столицей. Герои «Войны и мира» ходят иными улицами: Арбат, Поварская, Патриаршие пруды, Ильинка. Упоминаются Варварка, Мясницкая, Маросейка, Моховая, Сухаревская, мосты Каменный и Москворецкий, Зубовский вал, Крымский брод и, конечно, Хамовники и Девичье поле. Все эти локусы в основном объединены судьбой Пьера Безухова. При описании отступления французов упоминаются Калужская застава, Большая Ордынка и Нескучный сад. По Толстому, первый пожар возникает на Петровке, далее возгораются Гостиный Двор и Каретный Ряд.

Северная часть города ускользает от внимания писателей. В этом направлении уходит из Москвы лишь уже упоминавшийся герой Загоскина. Ну и, конечно, в «Былом и думах» А.И. Герцена (1852–1868) появляется Тверская площадь и ее окрестности. Удивительно, что в романах и повестях о 1812 г. обойдены драматические события вокруг Петровского замка, ведь «свидетель падшей славы» несколько дней укрывал от огня не только самого Наполеона. Сюда свозили награбленное имущество, здесь устраивали свои бивуаки солдаты разлагавшейся Великой армии, тут многие из них нашли и свой конец. Впрочем, это уже пригороды тогдашней Москвы. Границы первопре-

стольной постоянно расширялись. Вспомним, что у И.С. Тургенева кварталы у Крымского брода – «отдаленные улицы Москвы»¹.

При рассмотрении литературной топографии пожарной столицы неизбежно возникает вопрос о том, как отразились в литературе события на Разгуляе, в доме графа А.И. Мусина-Пушкина, ведь факт гибели его знаменитого собрания и рукописи «Слова о полку Игореве» был широко известен и в XIX и тем более в XX в. Увы, здесь нас ждет разочарование. Писательское внимание, если так можно выразиться, сосредоточено на иных объектах. Подчас это исторические здания, находящиеся совсем рядом. Кажется, вот-вот мысленный взгляд автора падет на монументальное здание, расположенное на пересечении Басманных. Но нет. Дом графа, традиционно считающийся творением Матвея Казакова, ускользает из литературных произведений. Возможно, это связано с тем, что мемуаристы и современники московского пожара не оставили сведений о доме на Разгуляе. Это касается воспоминаний не только русских, но и записок просвещенных иностранцев.

Финский студент Эрик Густав Эрстрем, приехавший в Москву весной 1812 г. и переживший здесь первые дни нашествия, сообщает главным образом об утратах Университета и бедствиях, выпавших на долю оставшихся в городе студентов². В других частях пожарной Москвы побывал, например, уже упомянутый Анри Бейль. Он входил в Апраксин дворец на Покровке – так называемый дом-комод, «Аглицкий клуб» на Страстном бульваре, дом графа Петра Салтыкова; восхищался роскошью интерьеров и французскими библиотеками. Он писал о том, как едва спасся от огненного вихря на одном из бульваров³. Любопытно, что даже воспитатель детей Мусина-Пушкина французский аббат Адриан Сюрюс, отрывки из записей которого приводит москвовед Я.М. Белицкий, ничего не сообщает о самом доме собирателя древностей⁴. Из свидетельств очевидцев вырисовывается лишь картина разрушений на Басманных.

«Литературное молчание» было нарушено лишь однажды, уже в конце минувшего столетия. В романе С.Т. Алексеева «Слово» (см. первая публ.: Наш современник. 1985. №2–4) читатель мог познакомиться с достаточно неожиданной художественной версией роковых событий в доме Мусина-Пушкина. В этом раннем своем произведении писатель, впоследствии обратившийся к жанру так называемого «славянского фэнтези», повествует о собирателе старинных рукописей, жизнь которого неотделима от истории XX в. В композиции романа о судьбах древнерусского книжного наследия

¹ Тургенев И.С. Собр. соч.: В 12 томах. Т. 5. М., 1954. С. 263.

² См.: Эрстрем Э.-Г. Для меня и моих друзей // Наше наследие. 1991. №5. С. 73–78.

³ См.: Стендаль. Указ. соч. С. 111–114.

⁴ Белицкий Я.М. Спартаковская ул., 2/1. М., 1986. С. 28.

особая роль принадлежит главам, имеющим общее название «Кануны и каноны». В них действие переносится в прошлое (эпоха Крещения Руси, нашествие Батыя, раскол, война 1812 г., заключительный этап Великой Отечественной войны и начало освоения космоса). Четвертая по счету вставная новелла повествует о разорении дома на Разгуляе французами. Все обстоятельства утраты графской библиотеки здесь, безусловно, вымышленные, а само «Слово о полку Игореве» даже не упоминается. Автор лишь отталкивается от реального факта: опустевший барский дом стережет крепостной слуга. Печально известный из документов и писем Тимофей Шепягин, оставленный блюсти барское добро, превратился на страницах романа в графского лакея Кузьму, хромого ветерана Суворовских походов. В опустевшей Москве он случайно встречает гувернантку-француженку, которую приводит к себе и знакомит с книжными сокровищами библиотеки господина (ср. с французской актрисой в романе Б. Окуджавы). Увы, романтическая история любви героев коротка. Они гибнут от рук наполеоновских солдат. При этом бесстрашный Кузьма защищает с оружием в руках не только графский дом, но и свою любовь.

Очевидно, что ход реально-исторических событий диктует свою топографию писателю, воссоздающему московскую действительность 1812 г. Исторический источник ведет за собой художника, факт полагает пределы вымыслу. Например, штаб Мюрата располагался в усадьбе Баташова на Таганке (ныне больница «Медсантруд»), а маршал Даву остановился на Девичьем Поле. Вот плененный герой романа Данилевского и попадает под конвоем в эти места оккупированной Москвы. В штаб-квартиру Даву доставлен и толстовский Пьер Безухов. Как известно, Толстой допустил здесь неточность. Он поместил резиденцию маршала Даву в дом князя Щербатова. На самом же деле наполеоновский маршал квартировал рядом, в доме купца и промышленника С.А. Милюкова. Это обстоятельство отмечают москвоведы¹. Данилевский в «Сожженной Москве» дал более точную пространственную информацию. Толстой же в 1860-е гг. бывал именно в усадьбе Щербатова, которой в это время владел литератор и историк М.П. Погодин. Перед нами пример того, как труден путь вымышленного героя по невымышленным улицам исторического прошлого.

Литературная топография пожарной Москвы до некоторой степени субъективна, соотносима с биографией писателя или автора используемого им источника. Личностная осведомленность и даже пристрастность в выборе места действия, безусловно, существенные факторы. Вместе с тем важна ассоциативность восприятия городского пространства читателем, а с этим все очень непросто. И дело не только в том, что на протяжении XX в. по Москве прокатились две волны переименований улиц, и не в градостроительных процессах. Специалисты полагают, что даже уникальная диорама

¹ См. напр.: *Романюк С. По землям московских сел и слобод*. М., 2001. С. 52–53.

Москвы, изготовленная для всемирной выставки 1979 г., уже устарела, а ведь это прежде всего исторический центр города. Сегодня трудно представить облик допожарной Москвы, характер ее застройки, чересполосицу садов и огородов, богатые усадьбы и т. д. Мы не можем представить целостную картину того, как, например, выглядели допожарный Арбат, Остоженка или Басманные. Гражданская архитектура сохранилась фрагментарно, лучше – каменные храмы, ведь и дом матери И.С. Тургенева на Остоженке, и домик В.Л. Пушкина на Старой Басманной появились уже после событий 1812 г.

Московский сентябрь 1812 г. – время колоссальных утрат и разнообразных испытаний, таинственных историй. Последние годы в массовой литературе, в том числе и русской, отмечены стремлением строить сюжеты вокруг таинственного артефакта, рукописи, редкой книги или целой библиотеки. Московская история 1812 г. хранит множество подобных сюжетов. Чего только стоит один дом Мусина-Пушкина на Разгуляе, его inferнальная репутация среди обывателей, ошибочно связывавших его с фигурой черно-книжника Я.В. Брюса¹.

Беглое обращение к тому, что мы назвали литературной топографией пожарной Москвы, позволяет констатировать неисчерпанность подобного материала. Хронотоп, обозначенный формулой «осень 1812 г. – Москва», сулит литераторам будущего богатые перспективы.

Сведения об авторе:
Алексей Аркадьевич Пауткин,
докт. филол. наук.
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexey A. Pautkin,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

¹ Последняя графиня Брюс, дочь внучатого племянника сподвижника Петра I, была замужем за В.В. Мусиным-Пушкиным, видным масоном, главой ложи «Астрель» (ум. в 1836 г.). Он принял фамилию Мусин-Пушкин-Брюс.